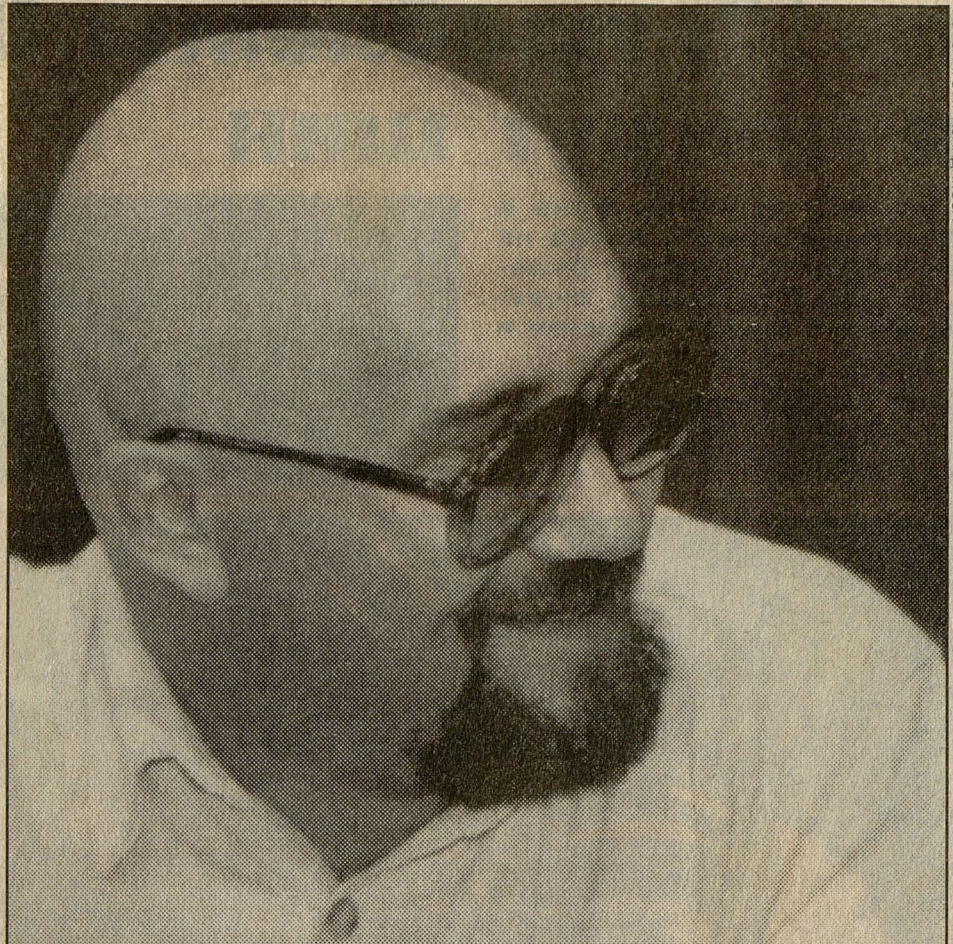

Кормильцев Илья

Наши люди

Илья Кормильцев:

"Книжки у меня выходят постоянно, только называются компакт-дисками!"

Из квартиры Кормильцева раздавались странные звуки. Женский хор старательно выводил арпеджио, что-то мерно тукало и скрежетало. «Работаю над собственным проектом», — пояснил поэт, открыв дверь. — «Загляните, если хотите». Мы заглянули. Комп и пара синтезаторов. «Тут еще надо повозиться. Расскажу обо всем через месяц-другой, не раньше», — Кормильцев был интригующе немногословен. Выпытав у знаменитого текстника, что петь сам он пока не собирается, мы отправились на кухню, завели разговор о делах минувших и незаметно подошли к дню сегодняшнему...

— Как вы относитесь к теории Ильи Смирнова: русский рок является совершенно уникальным культурным феноменом, где западная ритмическая основа привита на самобытные исходные корни, идущие от отечественных поэтических традиций?..

— В принципе, так оно и есть. Но эта теория касается не всего русского рока в целом, а наиболее успешных его групп. Были же и другие направления — ВЕЖЛИВЫЙ ОТКАЗ, например. Наиболее успешными оказались именно те группы, которые интегрировали в одну оболочку авторскую песню и рок-н-ролл, — они и получили наибольшую известность. Но сводить «русский рок» только к этому направлению нельзя.

— В конце 80-х русский рок пережил бурный всплеск, а затем последовал резкий откат. Это коснулось и НАУТИЛУСА...

— Однако интерес к нему восстановился, уже на новой основе, где-то с 1995 года. Все уцелевшие группы «первого эшелона» полностью вернули свой социальный и экономический статус. Был момент, 1991-95 годы, когда вперед вырвалось попса. Но теперь выросло и вступило в экономически активную фазу поколение, воспитанное на Цое, НАУТИЛУСЕ, АКВАРИУМЕ, ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЕ, КАЛИНОВОМ МОСТЕ. Оно находится в активной фазе и как среда, рождающая исполнителей, и как аудитория.

— Когда вы пишете новый текст, не испытываете сожаления от того, что Бутусов его уже не споет?

— Почему не споет? Кто вам это сказал? НАУТИЛУС закончен как группа, но Бутусов-то жив и здоров. Потом, если он заделается, как и хочет, эдаким сонграйтером, это тоже вариант...

— Получается, что название НАУТИЛУС — просто миф из 80-х годов.

— НАУТИЛУС — это некий образ, некая программа, концепция. После того, как она «издержана», в ее рамках делать что-то невозможно, хотя бы потому, что люди неадекватно к этому отнесутся. Они будут все время сравнивать это с тем, что было до. Есть такая особенность у человека: проводить между двумя точками прямую и потом смотреть, куда эта прямая ведет. Собственно, с этой целью и нужно было избавиться от НАУТИЛУСА... Так же, как вы меняете ботинки, которые изнасились.

— Тихий голос в «Титанике» и «Яблоку» глушится инструментами. Почему?

— По разным причинам. В «Титанике» он так звучит в силу особенностей, скажем так, петербургского мастеринга. Можно, в принципе, и «Яблоку» так сделать. А «Яблоку» — это мы недосмотрели. Нас не было на сведении, а когда английский человек работает с русским вокалом — он, конечно, не может оценить разборчивость текста. Им показалось, что все понятно, а переигрывать что-то было уже поздно, гнали скорей-скорей.

— Еще несколько лет назад мы могли наблюдать в аудитории жесткое противостояние двух лагерей — поклонников примитивной попсы и музыки, где мало-мальский смысл все-таки заложен...

— Я думаю, попса по своей природе антиидеологична и не может чему бы то ни было противостоять. Человек, который слушает рок-музыку, может отстаивать какие-то идеи. Слушатель же попсы просто не имеет таких возможностей — это не идеологическое искусство. Другое дело, что в последние несколько лет появилась попытка искусственно противопоставлять «технологическую» музыку рок-н-ролльной. Не без стараний журналов «Ом», «Плюч» и им подобных. Это опять-таки чисто советское явление, которое больше нигде в мире не существует, — принципиальная попытка захватить рынок такими методами и вырастить поколение, которое будет говорить «фэ» рок-н-роллу. Это совершенно советские вещи. Что касается стирания границ между роком и попсой, то они во всем мире стираются. «Поколение Икс» — это выдумка! Начинается мультипотребление: на дискотеке я слушаю одно, дома — другое. Это логично. Это возвращение к временам музыки первой половины XX века: есть музыка для танцев, есть для концертов, есть для домашнего музицирования... У каждой своя задача, свое настроение... Я очень удивлюсь, если выйду на пляж и услышу что-нибудь серьезное. Пусть мне это будет сим-

патичней, чем Марина Хлебникова, но она в данном случае будет более уместна.

— Вы допускаете возможность появления каких-то новых музыкальных центров подобно Свердловску в 80-е?

— Не скоро. Там почти нет денег и совсем нет денег обезличенных, как здесь. Деньги есть, допустим, в Тюменской области, в каких-то добывающих регионах, но они там вряд ли доходят до музыкантов, до шоу-бизнеса, до телевидения. Они там все сосредоточены в своем секторе — из алмазов делают и в алмазы превращаются. Только в Москве есть деньги, которые — просто деньги.

— Как вы относитесь к последним работам АГАТЫ КРИСТИ?

— Там основная проблема в том, что они пошли по самому легкому пути. Насколько мне понравился переход от «Позорной звезды» к «Опиуму», настолько же расстроил поворот от «Опиума» к «Урагану». Это означает, что они исчерпали творческий метод, который был применен в «Опиуме» и уже не могут сказать здесь ничего нового.

— Вы считаете, что это кризис?

— Да, именно потому, что они пошли по легкому пути. Не изменяя природы своего творчества, они «омоднили» звук, но, сказав «А» — говори «Б». Должна была поменяться вся структура внутри. Фактически каждую из новых песен можно сыграть в стиле «Позорной звезды». Этот принцип работает во второй половине альбома U2 «Pop» — песни те же, но с модной подкладкой. Не совсем революция — скорее, макиаж. Из этого не могло хватить надолго, потому что новых песен — по идеологии, по музыкальной стороне — не писалось со времен «Позорной звезды». А «Ураган» на 80% состоит из вещей 1992-94 годов. Там нет новых песен в строгом смысле этого слова — лишь остатки «Маленького Фрица», которые в свое время не прошли, потому что не входили в концепцию альбома. Наверное, АГАТА играет в ту же сторону, что и вся «вторая волна». Там ориентировка не столько на АКВАРИУМ или Майку, сколько на Летова. Я это называю «комплекс черной джинсы» — все черно-белое, отчаяние, деструкция. Это поколение выросло в эпоху, когда все отменили — идеалы, ценности. И перекос в сторону анархизма деструктивного толка — он есть, безусловно. Вот СПЛИН вроде бы из того же поколения, но, мне кажется, они это преодолевают, поют довольно оптимистические песни, хотя молодые группы, вообще ни о чем новом не пишут по сравнению с группами 80-х годов. Эти команды более литературны, чем группы так называемой первой волны, потому что пишут уже не рок-н-ролл о жизни, а рок-н-ролл о рок-н-ролле. Это как первое кино, когда люди прибегали в кинотеатр, ехал на них паровоз — ах, паровоз! Настоящая жизнь!... А потом кино начало становиться искусственным.

— И получается искусство ради искусства, к жизни мало привязанное...

— Оно становится привязанным к жизни в тяжелые минуты.

— То есть, Вы считаете, что это зависит от социальной ситуации, а не от таланта творца?

— Да, безусловно. Потому что искусство основным своим предметом имеет само себя. Когда оно обращается к чему-то еще, то лишь потому, что это «что-то» находится под запретом. Тогда начинается функция искусства, излюбленная в России, но на самом деле являющаяся для него исключительной ситуацией. Просто в России исключительная ситуация существовала практически всегда. Единственный момент, когда она исчезла — это конец прошлого века — отсюда весь Чехов. И символисты до первой революции... Если нет драки — человек пишет о любви, смерти, своих терзаниях. Существует некая ушибленность революционностью, которая не кончается даже в поколении 20-летних — только в последующем. Это не плохо и не хорошо — это нормально. Сейчас драка продолжается, только индивидуальная, не коллективная — за свое место, за свои деньги. Уже невозможно объединиться в какую-то компанию под названием МЫ... Ну как современному молодому человеку объяснить, что значит — МЫ ВМЕСТЕ?

— Мы сегодня так часто обращались к прошлому, что под конец стоит заглянуть вперед. Чего вы ждете после смерти?

— Я жду разборки «на ковре» у большого начальника. Надеюсь на ее положительный результат.

Расспрашивали Анатолий ОБЫДЕНКИН и Григорий ГОЛЬДЕНЦВАЙГ